

Фонвизин Сергей Иванович

Без вины виноватые

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
Без вины виноватые / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
238 с.

ISBN 978-5-521-28541-9

Содержание: Муж; Семья Клушиных

ISBN 978-5-521-28541-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Евгеній Петровичъ Рахмановъ утрюмо шагаль, заложивъ руки за спину, по мягкому ковру своего обширнаго, роскошно убраннаго кабинета. Онъ былъ, видимо, не въ духѣ. У него болѣла немного голова, да и желудокъ тоже начиналъ, какъ будто, пошаливать. Проходя мимо большаго зеркала, вѣшаннаго въ каминъ и кругомъ увѣшаннаго рѣдкимъ стариннымъ оружіемъ, онъ кидалъ въ него недовольные взгляды: ему казалось, что сегодня его лицо какъ-то особенно желто. Наконецъ, онъ рѣшительно остановился у самаго зеркала и высунулъ языкъ. Языкъ былъ такъ себѣ: не особенно плохъ, но и не хорошъ, съ бѣлымъ налетомъ посрединѣ. Рахмановъ недовольно поморщился, пожалъ насмѣшливо плечами и, отойдя къ письменному столу, опустился въ широкое кожаное кресло, на спинкѣ котораго былъ выжженъ гербъ рода Рахмановыхъ. «Прекрасно!»—думалъ онъ. «Теперь, вотъ, заболѣю... Стоило для этого оставаться».

Рахмановъ имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто брать отпускъ и уѣзжать за границу. Доктора увѣряли, что для его желудка полезенъ и даже необходимъ Карлсбадъ. Рахмановъ охотно имъ вѣрилъ, такъ какъ, если Карлсбадъ самъ по себѣ представлялъ мало привлекательнаго, то за нимъ обыкновенно слѣдовали Парижъ, Біаррицъ,

Ницца съ Монте-Карло, что было уже гораздо интереснѣе. Нынѣшнимъ же лѣтомъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ. Случилось это совсѣмъ неожиданно. Въ его министерствѣ готовились большія преобразованія. Работы было много; тѣмъ не менѣе онъ думалъ, какъ всегда, взять отпускъ и уѣхать. Но однажды вечеромъ на какомъ-то раутѣ, когда онъ въ разговорѣ о морскихъ купаньяхъ заявилъ, что ему Біаррицъ надоѣлъ и что нынѣшней осенью онъ предполагаетъ поѣхать куда-нибудь въ другое мѣсто, — его принципаль, находившійся тутъ же, удивленно поднялъ брови и, немного погодя взявъ его подъ руку, отвелъ въ сторону. Тутъ онъ сказалъ, что намѣреніе Рахманова взять отпускъ въ такое горячее для работы время его крайне удивило, что, конечно, онъ его удерживать не можетъ; но что если Рахмановъ уѣдетъ, онъ будетъ себя чувствовать, какъ безъ правой руки. Рахманову, пріятно польщенному этими словами, ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ заявить, что онъ останется. Но когда наступило лѣто, онъ все чаще сталъ жалѣть о данномъ обѣщаніи. Съ непривычки, лѣтній Петербургъ дѣйствовалъ на него угнетающе. Его мучило отъ запаха известки и перегорѣлаго масла, которымъ въ жаркіе дни, казалось, насквозь былъ пропитанъ уличный воздухъ, онъ возненавидѣлъ самое слово «ремонтъ» и строго приказалъ кучеру дѣлать какіе угодно объѣзды, лишь-бы миновать улицы, на которыхъ стояли рогатки. Кругокъ близкихъ знакомыхъ весь разѣхался. Осталось всего-на-всего какихъ-нибудь два-три дома, но и въ нихъ теперь, почему-то, было очень скучно. Загородныя удовольствія тоже быстро надоѣли. У Рахманова все чаще стала появляться тяжесть въ головѣ и желудкѣ, и онъ захандрилъ.

Лучшее средство отъ хандры, какъ говорятъ, усиленная работа, но Рахманову и работалось плохо. А работалось ему плохо, вѣроятно, потому, что онъ не особенно вѣрилъ въ свое дѣло. То-есть, вѣрнѣе, онъ и вѣрилъ и не вѣрилъ. Когда голова была свѣжа и желудокъ работалъ исправно, Рахмановъ не только вѣрилъ, но и гордился своимъ дѣломъ. Онъ охотно повторялъ и даже умилялся, повторяя, что «судъ, во всеоружіи одной лишь правды и милости, является той правомѣрной силой, которая поддерживаетъ общественное равновѣсіе». Но стоило ему захандрить, и его мысли принимали совсѣмъ странное направленіе. Въ его отуманенную голову, какъ будто, вселился лукавый бѣсенокъ и нашептывалъ разные непристойныя рѣчи. «Судъ хорошъ—слова нѣтъ», шепталъ бѣсенокъ; «но подумай, однако, не лучше ли было-бы, если бы суда совсѣмъ не было? Приближать судъ къ народу недурно, конечно; но еще лучше, если бы народу судъ совсѣмъ былъ ненуженъ. Что такое, въ сущности, судъ? Узда. Полезно улучшать форму и качество узды, разъ она необходима; но дѣятельность, направленная къ тому, чтобы дѣлать ее все менѣе нужной, куда полезнѣе. Судъ имѣетъ дѣло со зломъ; но источниковъ зла судъ не уничтожаетъ, и въ этомъ его слабая сторона. Идеальное человѣческое общество должно отличаться отъ теперешняго не тѣмъ, что въ немъ число судей будетъ больше, чѣмъ число судящихся, а тѣмъ, что «тропинки, ведущія къ храму правосудія, заростутъ и заглохнутъ окончательно». А извѣстное реченіе: «Не судите, да не судимы будете»,—забылъ?—Да и вообще, имѣетъ ли право человѣкъ или общество людей судить и наказывать другого человѣка?» И бѣсенокъ, лукаво ухмыляясь, покидалъ Рахманова,

оставляя въ немъ ядовитый туманъ еретическихъ и вздорныхъ мыслей. Но цѣли своей онъ вполне достигалъ: у Рахманова опускались руки, и работа становилась ему противной.

Рахмановъ не любилъ этихъ мыслей: онѣ нарушали его душевное равновѣсіе, и онъ старался въ нихъ не углубляться. Человѣкъ обезпеченный и нечестолюбивый, не карьеристъ, онъ всегда увѣрялъ себя и часто высказывалъ это другимъ,—что служитъ лишь потому, что твердо убѣжденъ въ той пользѣ, которую приноситъ своей дѣятельностью. Было бы крайне печально поэтому, если бы онъ вдругъ пришелъ къ убѣжденію, что работа пользы жизни пошла на вздоръ и пустяки и, вмѣсто призрачной пользы, приносила косвенный вредъ, такъ какъ лишила его возможности посвятить себя какой-нибудь другой, болѣе полезной дѣятельности. Рахмановъ чувствовалъ это, а потому терпѣть не могъ своихъ приступовъ хандры. Хорошо еще, что они случались рѣдко, чаще всего весной. Они служили лучшимъ указателемъ, что Рахманову пора освѣжиться. Этой весной, благодаря, вѣроятно, любезнымъ словамъ принципала, Рахмановъ чувствовалъ себя сравнительно бодро, и хандры не было; но зато теперь, словно желая наверстать потерянное время, она накинулась на него съ удвоенной силою, и вотъ, почти уже мѣсяцъ, онъ не можетъ отъ нея избавиться.

Большіе бронзовые часы, изображавшіе группу Минына и Пожарскаго, пробили четыре раза. Рахмановъ встрепенулся. «Пора вхвать», тоскливо подумалъ онъ.— «Что сегодня? Воскресенье... Значитъ, къ Обидинымъ... Тоска!» Онъ нервно поморщился. «Идіотъ Лоло, мой другъ Ольга Ивановна — тоже въ своемъ родѣ штучка...

Херувимъ... Нѣтъ, не поѣду... — ну ихъ совсѣмъ». Онъ вытянулъ ноги и опять уставился въ стѣну. «Жизнь есть повинность: чѣмъ скорѣе ее отбудешь, тѣмъ лучше...» Такъ, что-ли? Но въ такомъ случаѣ...» Онъ пощупалъ себѣ животъ. «Не позвать ли Эдуарда Францовича?»

Но вдругъ онъ подтянулъ ноги, и взглядъ его оживился. Конечно, конечно!»—выговорилъ онъ, немного погодя, и кивнувъ головой. «Не вьючное же я животное, въ самомъ дѣлѣ... Могу и заболѣть. А Эдуардъ Францовичъ не выдастъ». Онъ бодрымъ движеніемъ чиркнулъ спичкой, закурилъ папироску, потомъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ. Теперь онъ весело улыбался, радуясь своей выдумкѣ. Его домашній врачъ, Эдуардъ Францовичъ, лечитъ и у принципала. «Ваше-ство», скажетъ онъ принципалу. «Вашъ сослуживецъ и подчиненный, Рахмановъ, серьезно боленъ. Я посылаю его за границу, а онъ и слушать не хочетъ. Увѣряетъ, что связанъ даннымъ вамъ обѣщаніемъ не брать отпуска. Ваше-ство, предупреждаю, что, если вы сами на него не повліяете и не заставите ѣхать, я ни за что не ручаюсь».

«Эдуардъ Францовичъ—умница, прекрасно все обдѣлаетъ», — думалъ Рахмановъ, возбужденно шагая по комнатѣ.—«И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Ха-ха-ха!»

Мысль провести начальство и такимъ путемъ добыть себѣ свободу радовала его, какъ школьника.

«И пусть останется съ одной рукой, а я больше не могу... И нечего медлить, сейчасъ же и напишу». Онъ быстро набросалъ на визитной карточкѣ нѣсколько словъ и позвонилъ.

— Снести сейчас же. Закладывать лошадей и одѣваться, — приказалъ онъ камердинеру. Потомъ, глубоко вздохнувъ, словно освободившись отъ большой тяжести, весело тряхнулъ головой и прошелъ въ уборную.

Чуть прислонясь къ пружинамъ подушекъ — онъ не любилъ, когда разваливаются, — Рахмановъ съ удовольствіемъ прислушивался къ ровному и твердому стуку подковъ двухъ чистокровныхъ, хрѣновскихъ, сѣрыхъ въ яблокахъ рысаковъ, съ такимъ же удовольствіемъ смотрѣлъ на толстый, красный затылокъ и необъятную спину кучера Андрея, съ пріятною усмѣшкой поглядывалъ на празднично разодѣтую публику. Онъ всецѣло еще находился подъ впечатлѣніемъ своей выдумки и будущаго отъѣзда и ему казалось, что все окружающее сочувствуетъ ему и радуется вмѣстѣ съ нимъ. Садясь въ коляску, онъ не выдержалъ и объявилъ Андрею, что скоро уѣзжаетъ.

— Лошадей тогда на траву поставить, — добавилъ онъ только для того, чтобы объяснить причину своего доклада объ отъѣздѣ, такъ какъ былъ увѣренъ, что Андрей и безъ его словъ очень хорошо знаетъ, что ему дѣлать съ лошадьми. Андрей, упитанный красавецъ, съ черной окладистой бородою и вьющимися волосами, сказалъ: «слушаю-съ» и широко улыбнулся, и Рахмановъ понялъ, что и онъ ему сочувствуетъ.

Проѣзжая по Набережной, Рахмановъ рѣшилъ, что подобной Набережной, съ такой роскошью построекъ и такою рѣкой, нигдѣ нѣтъ; но Дворцовый мостъ его нѣсколько разочаровалъ. «Пора, давно бы пора его окончить. И чего только дума думаетъ?» И усмѣхнулся, сообразивъ, что изъ сочетанія словъ: дума и думаетъ можетъ составиться недурной каламбуръ. «Впрочемъ, что-то въ этомъ родѣ я уже слышалъ».

На Каменноостровскомъ, Андрей отдалъ вожжи, лошади начали забирать, и Рахманову стало еще веселѣе.

Два велосипедиста, изъ учащейся молодежи, ѣхавшіе впереди, дали себя нагнать и, убѣдившись, что съ такими лошадьми стоитъ потягаться, нажали на педали и понесли. Рахмановъ глядѣлъ на нихъ съ интересомъ. Какъ человѣкъ, шедшій наравнѣ съ вѣкомъ, онъ сочувственно относился ко всякаго рода спорту. Онъ даже и самъ подумывалъ не разъ завести бициклъ, но останавливала мысль, что въ его годы и при его положеніи это покажется, пожалуй, смѣшнымъ. Но теперь, глядя на здоровыя, загорѣлыя лица ѣздоковъ, на ихъ увѣренныя, ловкія движенія, онъ рѣшилъ, что станетъ учиться ѣздить, какъ только попадетъ за границу. «Ѣздитъ же Петръ Петровичъ»—Петръ Петровичъ былъ директоромъ департамента, сослуживецъ Рахманова—«и ничего. А онъ постарше меня. И на службу и со службы—все на велосипедѣ. На его мѣстѣ я бы себѣ только бороду стригъ, а то съ длинной бородою какъ-то, дѣйствительно, смѣшно».

Нѣкоторое время велосипедисты равнялись съ коляской, видимо ожидая, не пошлетъ ли кучеръ лошадей. Но Андрей не удостоивалъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ и держалъ ровный ходъ. Наконецъ, велосипедисты

переглянулись, согнулись въ три погибели и сразу вырвались на нѣсколько сажень.

Андрей презрительно скосилъ на нихъ глаза, но тоже не выдержалъ; чуть слышно прищелкнулъ языкомъ, передернулъ вожжами, и лошади такъ наддали, что коляску стало бросать во всѣ стороны. Еще немного—и велосипедисты начали отставать.

«Ну, вотъ это ужъ гадость»,—думалъ Рахмановъ, глядя на красное, потное лицо передняго велосипедиста, у котораго съ натуги вылупились глаза, а голова какъ-то странно и быстро двигалась. «И зачѣмъ это они такъ гнутся, и почему передній вертитъ головой, какъ пойманная утка? Совсѣмъ некрасиво».

У поворота на Стрѣлку, Андрей сдержалъ лошадей и, повернувшись на козлахъ, съ презрительной усмѣшкой произнесъ:

— Ишь чего захотѣли? Перегнать. Куда имъ, куцымъ.

— Почему куцые?—спросилъ Рахмановъ, улыбаясь и невольно въ то же время думая: «такъ и меня, пожалуй, куцымъ называть будутъ».

Андрей что-то пробормоталъ себѣ въ бороду, недобрительно качая головой, и потомъ, взглянувъ впередъ, проговорилъ уже другимъ голосомъ:

— Ольга Ивановна идутъ-съ.

Ольга Ивановна, узнавъ еще издали лошадей, дѣлала привѣтственные знаки зонтикомъ, а шедшій рядомъ съ ней офицеръ снялъ фуражку и тоже замахалъ ею.

Рахмановъ почувствовалъ, что въ сущности онъ радъ видѣть Ольгу Ивановну. Расправивъ по привычкѣ усы, онъ молодымъ движеніемъ выскочилъ изъ коляски и сталъ переходить аллею, на ходу снимая перчатку.

— Хорошъ, нечего сказать, а еще другъ... Un ami qui n'a pas un brin d'amitié,—гѣвучимъ голосомъ говорила Ольга Ивановна, пока Рахмановъ увѣренно и неторопливо, повернувъ ея руку ладонью къверху, цѣловаль ея въ маленькое отверстіе, не закрытое перчаткой.—Двѣ недѣли — ни слуха, ни духа. Даже Борисъ Владиміровичъ—она насмѣшливо кивнула на офицера—и тотъ соскучился. Предлагалъ мнѣ съѣздить и узнать, въ чемъ дѣло и живы-ли вы еще.

— Вѣрно, соскучился. Честное слово,—сказалъ офицеръ, весело улыбаясь и глядя въ упоръ на Рахманова сѣрыми, наглыми—какъ опредѣлялъ ихъ выраженіе Рахмановъ—глазами. Каждый разъ, какъ Рахмановъ видѣлъ Гжатскаго—такъ звали офицера—онъ вспоминалъ о Долоховѣ. Ему казалось, что у Долохова должны были быть именно такіе глаза. Но глаза Гжатскаго обладали и другою странностью. Какъ ихъ цвѣтъ не соответствовалъ цвѣту волосъ—Гжатскій былъ сильный брюнетъ—такъ и выраженіе ихъ рѣзко отличалось отъ общаго выраженія лица—очень моложаваго, красиваго, добродушнаго, даже наивнаго. Сначала Рахманова удивляло это несоответствіе, но, узнавъ Гжатскаго короче, онъ понялъ, что обманывали не глаза, а лицо. Гжатскій далеко не былъ такимъ добродушнымъ, какимъ желалъ казаться, и глаза его выдавали.

— Ну, рассказывайте, — сказала Ольга Ивановна, взявъ Рахманова подъ руку.—Что вы все это время дѣлали и почему пропадали?

Рахманова обдало запахомъ «véra violette», которымъ, казалось, даже воздухъ, ее окружавшій, былъ пропитанъ.

— Томился, болѣлъ, хандрилъ.—отвѣтилъ онъ усмѣхаясь.

— Вотъ какъ. И теперь? Что-то незамѣтно.

Она внимательно его оглядѣла большими темными глазами, искусно подведенными, отчего они казались еще темнѣе и больше.

— Это оттого, что я надумалъ коварный побѣгъ... Только вы, смотрите, меня не выдавайте.

И онъ оживленно сталъ рассказывать о томъ, какъ онъ все это время плохо себя чувствовалъ и какъ, наконецъ, рѣшилъ надуть начальство и уѣхать.—«И представьте себѣ: только я это надумалъ, и хандру какъ рукой сняло».

— Рада за васъ, но жалѣю себя... И на кого вы меня, сиротинку, покидаете?

Она крѣпче прижала руку Рахманова и съ нѣжностью на него взглянула.

Между Ольгой Ивановной и Рахмановымъ существовали не совсѣмъ обыкновенныя отношенія. Рахмановъ былъ знакомъ съ Ольгой Ивановной уже нѣсколько лѣтъ, зналъ, что ей нравится и что стоитъ ему захотѣть, и она изъ области невиннаго флѣрта очень охотно перейдетъ на болѣе существенное. Хотя ее нельзя было назвать красавицей, но она была очень миловидна, а, главное, въ высокой степени обладала тѣмъ, что принято называть породой. Даже ея мужъ—Лоло—не обращавшій на нее, вообще, никакого вниманія, отдавалъ ей въ этомъ отношеніи должную справедливость и часто говаривалъ, что онъ положительно не знаетъ, кто породистѣе: его ли пара извѣстныхъ всему Петербургу выводныхъ, цвѣта isabelle, жеребцовъ, или его жена?